

Яна Кроваль

Сердце гор

Яна Кроваль

Сердце гор

<https://litres.ru/74681888>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он почти женат, она обещана другому. Но судьбе было угодно свести их вместе Чтобы связать навеки.

Сумеют ли они отстоять своё право на счастье - или чужие ожидания окажутся сильнее внезапно вспыхнувших чувств?

Четыре основных персонажа, две пары, одна запутанная история И море препятствий на их пути.

Содержание

1	4
2	12
3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Яна Кроваль

Сердце гор

1

Бедная деревенька, жалкие каменные лачуги, разбитая дорога — сейчас подсохшая, но в период дождей больше напоминающая грязевое болото. Августовское солнце близится к зениту, горячим воздухом почти невозможно дышать, и всё же на главной улице собралось немало людей. Все они стояли небольшими группками, прячась в тени, и негромко переговаривались, провожая взглядами дорогую ухоженную машину, столь чуждо смотрящуюся на фоне убогого местного пейзажа. Среди любопытствующих не было ни одной женщины — сплошь мужчины, причём пожилые. И несколько мальчишек.

Автомобиль медленно прополз вдоль выстроившихся в ряд унылых, серых строений, притормозил на очередном перекрёстке и неуверенно свернул налево, скрывшись из виду. Но люди ещё долго обсуждали это событие, гадая, к кому же пожаловал такой гость. И постепенно склонялись к выводу, что это случайный путник. Турист из большого города, никогда не бывавший в горах и пожелавший сполна насладиться аутентичным колоритом... От греха подальше — не выхо-

дя из машины. Ведь дом единственного обеспеченного — по местным меркам — жителя находился в другой стороне. Да и тот был всего лишь старостой.

А водитель, ещё немного поплутав по лабиринту узких улочек, на трассу так и не вернулся, остановившись возле скромного и приземистого, но добротного одноэтажного бревенчатого домика, несмотря на резные наличники из-за своей однобокой скошенной крышей чем-то напоминающего сарай. В последний раз сверился с телефоном, вышел и решительно постучал в дверь.

— Брат! — воскликнул выглянувший на звук молодой мужчина. Типичный горец — невысокий, жилистый, загорелый и черноволосый. — Ты всё-таки приехал!

— Я же обещал, — улыбнулся в ответ гость, заключив приятеля в крепкие объятия.

В отличие от горца, ростом он почти достигал двух метров, обладал густой русой шевелюрой, над которой определённо поработал стилист, и мог похвастаться неплохими мышцами, в данный момент скрытыми под белоснежной рубашкой. Её цвет удачно оттенял лёгкий бронзовый загар, однако рядом с другом гость всё равно казался бледным. И выглядел моложе — хотя на самом деле они были ровесниками.

— Ну заходи, заходи! — посторонился горец.

— А машина? — его гость растерянно обернулся. — Никому не мешает?

— Ничего, тракторы с другой стороны заедут. А люди

обойдут.

— Так, может, отогнать куда?

— Куда? — горец демонстративно развёл руками, призывая друга осмотреться повнимательнее.

Тот послушно покрутился вокруг собственной оси и был вынужден признать:

— Да. Тесновато у вас тут.

— Зато какой воздух!

— Ну дай я хоть к забору поближе прижмусь. А то совсем некрасиво — встал точно посередине.

— Ладно. Только быстро! И сильно не утруждайся. А я пока на стол накрою.

И горец испарился, оставив дверь нараспашку.

Вопреки наставлениям приятеля, столичный гость проводился не меньше десяти минут, тыркаясь то вперёд, то назад, пока не добился результата, который его наконец-то устроил. Заодно и развернулся. Правда, вылезать пришлось через пассажирское место — со стороны водителя мешали колючие кусты — но он и с этим отлично справился. После чего, ещё раз оценив, хорошо ли вписалась в пейзаж его машина, забрал из салона небольшую спортивную сумку и скрылся в доме, заперев за собой дверь.

— Ну, как добрался? — усадив гостя, спросил горец, попутно продолжая хлопотать на кухне.

— Терпимо, — гость аккуратно пристроил сумку на соседнем стуле и с интересом огляделся.

Обстановка единственной комнатки оставляла желать лучшего. Скучная, если не сказать хуже: пол из неструганых досок, узкая и низкая кровать, покрытая не единожды штопанным вязаным пледом, монументальный, явно самодельный шкаф, такой же комод, деревянный разделочный стол, занимающий всю стену под единственным окном и вроде как вообще намертво к ней прибитый, умывальник простейшей конструкции с подставленным снизу ведром, замусоленное полотенце на гвоздике рядом с мылом, ещё один столик поменьше — обеденный, но без скатерти, две трёхногие некрашенные табуретки и шаткий стул, словно приползший сюда умирать со свалки вещей прошлого века. Из общей картины немного выбивался лишь новенький роутер, закреплённый на стене между чёрно-белыми фотографиями в рамках, да потёртый ноутбук на третьей табуретке, играющей роль тумбочки. Ну и сам гость, разумеется. Однако брезгливости в его взгляде не отразилось. Лишь сдержанное любопытство с лёгким налётом тоски о прошлом.

— Заблудился? — между тем уточнил горец.

— Слегка. Не туда свернул. Навигатор-то в горах плохо ловит. А с интуицией у меня дружбы не сложилось. Пока сообразил, что не так, пока выбрался — там и вечер наступил. А в темноте я по вашим серпантинам не ходок! И без того укачало, хоть и медленно ехал. Пришлось в машине на обочине заночевать. Благо не впервой. А в целом ты всё очень подробно описал. И дом твой я по фотографии сразу узнал.

— Это хорошо. А то я, признаться, уже беспокоиться начал. По моим подсчётам ты ещё вчера добраться должен был. Если бы сегодня я не получил от тебя никаких новостей, завтра непременно бы на поиски отправился.

— Пешком?..

— А что такого? Помнишь, как в армии мы многокилометровые марш-броски в полной экипировке делали?

— Припоминаю, — гость ностальгически улыбнулся. — Но для меня это уже далёкое прошлое.

— Ничего, завтра окунёшься в него с головой. Прямо с утречка и пойдём. Ружьё я тебе своё отдам — а себе запасное возьму. Оно исправное, просто уж больно тяжёлое. Надеюсь, ты взял сменную одежду?

— А то! — гость похлопал по сумке, вынудив стул жалобно заскрипеть. — Всё, как ты сказал.

— Отлично! Тогда подкрепимся — и на боковую, — гонец поставил перед другом тарелку, полную тушёного мяса с небольшим количеством овощей, взял себе вторую, разломил лепёшку с общего блюда и первым приступил к трапезе. — Только это. Боюсь, на кабана мы не пойдём. И на тура тоже.

— Да мне в целом без разницы, ты же знаешь. Я ж развеяться приехал. Отдохнуть от городской суеты, пострелять в удовольствие. Хоть на птиц, если прочих трогать по каким-то причинам нельзя...

— Да не, можно. Всех можно, на кого сезон открыт. Толь-

ко видишь, — горец указал в тарелку, — засуха нас вконец доконала. С водой совсем беда. Колодец обмелел, ближайший источник тоже иссяк. Женщины ходят кто к роднику за два километра, кто на речку с другой стороны — примерно на том же расстоянии. А у меня времени на это нет. Так что с огорода зимой будет сложно прокормиться. Животным тоже тяжело — в прошлом году еды в лесу было в достатке, много их развелось. А сейчас даже овцам травы едва хватает. Вот волки и обнаглели совсем, на стада среди бела дня нападают. Терпение старосты недавно лопнуло, он запрос послал и отстрел анонсировал. Спецразрешение у меня есть, авось заработаю немного — и до весны протяну... А ежели ты участвовать не откажешься — так ещё сподручнее будет.

— Как я уже сказал, мне неважно, в кого целиться. Для меня это просто развлечение. Да и помочь тебе я всегда рад. Только, чур, давай всё по закону оформим. Подпишем договор на коллективную охоту и акт приёма-передачи оружия. А то мало ли что.

— Без документов я бы и сам никуда не пошёл. Понимаешь... Не любят меня здесь. Так и норовят палки в колёса сунуть. Вот и придираются по пустякам. Хотя почти все в той или иной мере родственники!

— Помню, ты рассказывал. Из-за наследства обиделись — что дед эту лачугу тебе оставил, единственному внуку от сбежавшего в город сына. Который, кажется, ещё и женился против воли семьи. И в результате этого союза получился

ты. Перспективный, образованный — и потому чужой для местных. Пускай внешне ничего от матери не взял. Если не ошибаюсь, ты после службы поступать куда-то собирался, на учителя вроде. А тут такое богатство свалилось...

В голосе гостя отчётливо слышался сарказм. И горец не преминул на него отреагировать:

— Не смейся, пожалуйста.

— Извини. Я просто удивлён, как ты не понимаешь банальнейшей вещи — твой дед всего лишь воспользовался возможностью вернуть тебя в деревню. Сыграл на чувстве долга перед последним желанием умирающего...

— Мой дед хотел обеспечить мне достойную жизнь! Отец погиб, когда я был ещё совсем несмышлёнышем, меня воспитывала мама с отчимом, что деду очень не нравилось. Посторонний человек, мужчина, да ещё и не из наших, как и сама невестка... Что они из меня вырастят? Поэтому дед часто забирал меня к себе на каникулы — сначала со скандалами, а потом я уже сам проситься начал, когда сестрички появились и всё внимание матери забрали. Ждал с нетерпением... Мы с дедом ходили со стадом по горам, зимой он спускался вниз, а в период отпуска приводил меня сюда и учил охоте. Он рассчитывал, что я займу его место — а меня не приняли. Не пустили. Знаешь, как это бывает...

— Знаю. Дикие обычаи.

— Не спорю. Мне, выросшему в городских тепличных условиях, они тоже порой кажутся странными. Особенно

некоторые. Но здесь без поддержки аула не выжить. Опасный край.

— Именно. И потому я говорил — и повторяю: бросай всё и перебирайся ко мне. Работу я тебе обеспечу...

— Не могу я. Неправильно это, жить за счёт милости друга...

— А я, по-твоему, не так живу? Ведь это ты, а не кто-то другой, спас мне жизнь, когда столкнул с линии огня. Я перед тобой в вечном долгу. И это меньшее, чем я могу тебе отплатить.

— Такие вещи не возвращают деньгами...

— А у меня больше ничего нет.

— ...к тому же я не считаю, что заслуживаю особой благодарности, — невозмутимо закончил фразу горец. — Любой на моём месте поступил бы так же. Что же касается твоего предложения... Вначале я частенько думал сдать. Бросить эту пустую затею — и уехать... Но меня останавливал долг перед дедом. Ведь его последним желанием было, чтобы я жил здесь и продолжил дело всей его жизни... А теперь уже поздно что-то менять. Что я внизу забыл? Учиться бесплатно меня вряд ли кто-то пустит — слишком много времени прошло. Да и возраст не тот. А деньги прежде надо заработать. Здесь же у меня какое-никакое, а хозяйство. Работа. Дом. Справлюсь как-нибудь.

— Как хочешь, — пожал плечами гость. — Но если передумаешь — обращайся. Ты знаешь, как меня найти.

В деревнях жизнь начинается с рассветом, и горный аул не был исключением. Поэтому уйти на промысел незамеченными охотникам было не суждено. И пускай они оба с одинаково лёгким пренебрежением игнорировали как неприязненные взгляды в лицо, так и боязливый шёпот в спину, гордо шествуя вперёд сквозь толпу местных жителей, словно горячий нож сквозь масло, что-то в поведении друга горца всё же насторожило — и он счёл необходимым прокомментировать:

— Не обращай внимания. Они на всех незнакомцев так реагируют.

— Да мне-то что, меня везде так с детства встречают — единственный наследник, будущий глава фирмы, все дела... Я за тебя переживаю. Не возникнут ли у тебя проблемы из-за меня...

— Хуже, чем есть, станет вряд ли. Я и так изгой.

— А за связь со мной тебе точно ничего плохого не будет?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну... Вдруг они тебя выследят и пристрелят, как дикого зверя. Или с обрыва сбросят, выдав всё за несчастный случай...

— Не, это точно нет! — рассмеялся горец. — Нравы у нас, конечно, дикие, но не настолько же!

— Уверен? Ты лучше честно скажи. Как есть. Потому что, если с тобой что-нибудь случится, я буду винить себя. И никогда себе этого не прощу.

— А ты всё такой же недоверчивый перестраховщик, как я погляжу? Совсем не изменился! — всё ещё улыбаясь, хмыкнул горец. Но наткнулся на суровый взгляд друга и всё-таки снизошёл до конкретного ответа: — Честно. Могу поклясться, что моей жизни и здоровью ничего не угрожает. Да, я притащил в свой дом чужака. Но пока ты не представляешь угрозы, наказания за это не предусмотрено. Особенно мне, ведь я для них пустое место. Им лень связываться с тем, кого они и так не считают за человека... Вот если бы я чью-то сестру украл, жены домогался или дочь бы обесчестил — тогда да. Меня бы в покое не оставили. Женщин у нас берегут и опекают. А к мужчинам отношение проще. Пока ты не натворил ничего плохого, они будут делать вид, что тебя нет.

— Это радует, — выдохнул гость.

И вошёл в лес со спокойным сердцем.

На охоте шуметь не принято. Поэтому в дальнейшем мужчины общались исключительно знаками, понятными только им двоим. Горец искал следы пребывания зверя, рассчитывая выйти к логову, а его гость шёл чуть позади и внимательно смотрел по сторонам, чутко прислушиваясь к любым звукам. Однако выстрел они услышали одновременно — и синхронно замерли, вскинув ружья. Но вокруг ничего не изменилось.

— Плохо дело, — первым сдался горец, опустив оружие.
— Похоже, волка мы сегодня не добудем.

— Так далеко же стреляли, — гость приблизился к другу, чтобы не кричать. — Давай обойдём и подкрадёмся с другой стороны.

— Нет смысла. Судя по всему, это был матёрый самец. Думаю, он уже сбежал.

— Тогда возвращаемся? — не скрывая разочарования, спросил гость.

— Зачем? На тура пойдём, как я и обещал. Надо только повыше подняться. А если не повезёт, то там переночуем и завтра продолжим. Авось на самку с щенками наткнёмся...

— ...если на неё не наткнулись раньше, — продолжил за друга гость. — В кого-то же они стреляли.

— Знаешь. Мне показалось, что это был предупреждающий выстрел в воздух. Отпугивающий. И это к лучшему. Значит, далеко волк не ушёл. И если ночью мы не услышим характерного воя щенят, способного указать нам на их логово, вернёмся и загоним самца.

— И почему же тогда я не слышу в твоём голосе радости? Насколько же всё плохо, если отсрочка даже на один день так сильно тебя расстраивает?

— Да не в этом дело. Я понять не могу, кому понадобилось стрелять просто так. Пастухам — чтобы кабанов отпугнуть? Собаки бы залаяли. Конечно, они могут отслеживать зверя, но охотник, хоть профессионал, хоть любитель, себе

день портить не захочет. И стрелять зазря не станет. Остаётся единственный вывод...

— Кто-то хочет сорвать нам охоту? — догадался гость.

— Да, — мрачно кивнул горец. — Но мы ему не позволим. Пошли!

Однако осуществить свои планы им было не суждено.

Не успели они подняться на перевал по старой пастушьей тропе, как горец замер и резко вскинул руку, призывая друга к тишине.

— Слышишь?

Гость нахмурился, но его уши уловили лишь далёкий отголосок упавших камней.

— Обвал. Обычное дело в горах, тебе ли не знать.

— Нет. Там кто-то кричал.

— Человек? — тотчас напрягся гость.

Горец медленно покачал головой:

— Не факт. Но проверить лишним не будет. Идём.

— А ты по-прежнему чрезмерно благороден, — улыбнулся гость, спускаясь за товарищем в соседнюю долину. — Тебя гнобят, ненавидят — а ты всё равно спешишь на помощь.

— Взаимовыручка — основа выживания в лесу, — назидательно парировал горец, безуспешно пряча смущение за умными фразами. — К тому же там может оказаться и зверь с серьёзной травмой. Волк или, например, кабан. А животные чувят кровь издалёка. И непременно придут урвать от него кусочек. Им любая добыча хороша. И если нам удастся

засесть неподалёку, сможем получить желаемый трофей без особых затрат. А то и несколько.

Но в каменную ловушку попал не зверь, что стало ясно, едва они приблизились к месту трагедии.

— Это ребёнок! — воскликнул гость.

И бросился на плач, спутать который со скулежом раненого животного теперь, с такого расстояния, было практически невозможно. Горец кинулся за ним, но не успел пробежать и нескольких метров, как остановился, будто налетев на стену. Потому что наконец-то разглядел человека: молоденькую девушку, на вид ещё подростка, провалившуюся в расщелину почти по шею и застрявшую там. Поднять руки над поверхностью у неё ещё получалось, а сил и ловкости выбраться самостоятельно не хватало. Хотя зацепиться поблизости было за что.

— Живая? — спросил подскочивший к ней гость. — Болит где-нибудь?

Девушка промолчала, большими круглыми глазами уставившись на незнакомца. И горец взял в руки ружьё, принявшись активно вертеть головой.

— Эй, — гость пощёлкал перед лицом девушки пальцами, безуспешно пытаясь привлечь её внимание. — Ты как?

— Она тебе не ответит, — соизволил вмешаться горец.

— Почему?

— Она тебя не понимает. Языковой барьер. И боится.

— Так скажи ей, что я не причиню ей зла! И иди уже сюда,

её надо вытащить.

— Не надо её трогать.

— Смеёшься? Предлагаешь бросить её тут одну?

— Она не одна.

— Серьёзно? Ты видишь здесь кого-то ещё, кроме нас?

— Нет. И не хочу, чтобы они увидели нас. Поэтому чем раньше мы уйдём, тем лучше.

— Я её не оставлю.

— Да пойми же ты, она не могла очутиться здесь одна! И ей обязательно помогут. Но не мы.

Проигнорировав все аргументы друга, гость упрямо подхватил девушку за подмышки, чтобы выдернуть на свободу, однако несчастная завизжала, словно её режут, забрыкалась — и мужчина был вынужден её отпустить, опасаясь навредить ещё больше.

— Спроси у неё, в чём дело, — обратился к другу.

— Нет.

— Спроси! — упрямо настаивал гость. — Без тебя я не справлюсь.

Гневно выдохнув, горец уступил — однако спросил совершенно иное:

«Где твои братья?»

«Не знаю, — по-детски звонким голосом откликнулась девушка. — Я сбежала».

— Ясно, — уже по-русски кивнул горец — и повернулся к другу: — Она сама виновата. Пошли. Мы здесь бессильны.

— Что с ней? — по-настоящему заволновался гость.

— Ничего серьёзного. Обычная дурость. Зато теперь я догадываюсь, что это был за выстрел. Её ищут.

— Тогда скажи ей, чтобы она не сопротивлялась. Я её вытаскую.

— Пустая трата времени. Она не дастся. Ни тебе, ни мне.

— Почему?

— Потому что иначе её убьют. За то, что позволила к себе прикоснуться. Я же говорил.

— И что же нам делать?

— Ни-че-го. Мы не можем ничего сделать. По-хорошему, она вообще не должна была выходить из дома одна. И она это знает. Потому и ведёт себя соответственно.

Гость заколебался.

— Пойдём, пока нас рядом с ней не застали, — продолжал уговаривать горец. — А то ещё обвинят, что это она из-за нас под землю провалилась.

Последний раз посмотрев на притихшую девушку, гость неохотно выпрямился, шагнул прочь — и тут девушка снова заговорила:

«Не уходите!» — прошептала на родном языке, на мгновение протянув руки к гостю.

Однако тут же спрятала их обратно и потупилась.

— Что она говорит? — остановился гость.

— Просит задержаться.

Гость медленно обернулся, вернулся и присел перед де-

вушкой на корточки.

— Ты позволишь мне тебя вытащить? — очень осторожно, будто разговаривая с ребёнком, спросил он.

Для лучшего взаимопонимания свои слова он проиллюстрировал жестами — и девушка робко кивнула, по-прежнему стесняясь смотреть в глаза чужаку.

Горец негромко выругался, однако друга не бросил, продолжая контролировать окрестности. А гость между тем очень медленно наклонился, робко коснулся тела девушки, а затем, убедившись, что биться в истерике она действительно не собирается, рывком поднял её в воздух, чтобы через мгновение плавно опустить на землю. Девушка пошатнулась — по тонким, как у газели, исцарапанным ногам заструилась кровь, и гость, не выдержав подобного зрелища, без лишних слов подхватил свою добычу на руки — легко, словно она ничего не весила.

Смирившись со своей печальной участью, девушка покорно обняла мужчину за шею, обречённо спрятав лицо у него на груди. Естественно, такое самоуправство не пришлось горцу по вкусу, он скривился, однако возразить не успел.

Раздался выстрел, мягкий удар, гость коротко вскрикнул, разжал руки — и завалился набок. Девушка чудом успела спрыгнуть, ловко развернувшись в воздухе лицом к нападавшим, и, заслонив упавшего, встала между ним и братьями. Горец, в первый момент прицелившись в ответ, с досадой опустил ружьё — девушка перекрыла ему линию огня — и,

плюнув на всё, бросился к другу.

Стрелять всё равно было глупо. Ведь он один — а их двое. Притом за ними клан. А за ним — никого...

Осмотрев ранение гостя, горец облегчённо выдохнул. Его друг был жив, просто без сознания. Крови натекло много, однако сама рана не представляла опасности: пуля прошла по касательной, оставив после себя длинную полосу с неровными краями, но не задев ничего важного. И всё же пастухи могли завершить начатое. И пускай пока они не видели цели — гость находился в мёртвой зоне, за большим камнем, куда укатился после падения — с каждой минутой враги подходили всё ближе. И горец решил вмешаться.

Пока девушка лепетала что-то бессвязное, готовясь принять на себя весь удар и всю ответственность за произошедшее, горец наскоро перевязал другу голову бинтом из походной аптечки, сунул своё ружьё ему под бок и выпрямился во весь рост, демонстративно держа пустые руки на виду.

Едва он встал, как из-за камней, где замерли братья, тотчас донёсся надрывный, злой лай. Собаки рвались с поводков, взвизгивая, хрипя и захлёбываясь капающей с клыков слюной.

«Тише! Стоять!» — осадив псов, приказал младший брат на своём языке.

И лай тотчас стих, сменившись утробным, вибрирующим рычанием, от которого мороз продирал по коже.

«Ты!» — одновременно с ним крикнул горцу старший,

угрожая ружьём. — «Ты обесчестил нашу сестру. И заплатишься за это жизнью!»

«Во-первых, я к ней и пальцем не прикоснулся, можете у неё спросить», — не показывая ни капли страха, парировал горец. — «А во-вторых...»

«Это правда!» — прервав горца, заступилась за него девушка. — «Я сама попросила о помощи! Оставьте их в покое...»

Попутно она попыталась заслонить мужчину собой от ружей братьев — но получилось не очень. Уж больно маленькой и хрупкой она была.

«Молчи, женщина!» — рявкнул на неё второй брат.

Собаки снова залаяли, и ему пришлось опять дёрнуть за поводок, заставив псов сесть. А первый как ни в чём не бывало продолжал разговор с горцем:

«Даже если ты её не трогал, ты всё равно виноват. Ведь это ты привёл чужака!»

«Да. И я свидетель, что ничего незаконного между ними не произошло. Мой друг позвал вашу сестру замуж. И судя по её поведению, она согласна. Хотя словами ответить не успела».

Обернувшись, девушка смерила гостя восторженным, влюблённым взглядом — и у неё по щекам потекли слёзы: не то счастья, не то горя. А, скорее, всего вместе. Ведь мужчина не подавал признаков жизни, а обморок это или что-то похуже, девушке было неизвестно... Пастухи же пребывали

в глубоком шоке.

Насколько секунд они ошарашенно смотрели на горца, сообщившего им эту новость, прежде чем старший наконец-то сообразил:

«У неё уже есть жених!»

«Кто?»

«Кахраман».

Горец прищурился, вспоминая:

«Старик из соседнего аула? Так у него вроде уже есть жена».

«Он меня второй берет!» — плаксиво воскликнула девушка. — «А я не хочу ей прислуживать. Я единственной быть хочу! И любимой...»

Не сдержавшись, младший брат вlepил девушке пощёчину, притом такой силы, что та не смогла устоять на ногах и рухнула на землю, по чистой случайности — как раз рядом с гостем. В ответ на такое поведение горец сжал кулаки, однако пускать их в ход не торопился. Слишком хорошо понимал, на чьей стороне перевес.

«Он уже заплатил за неё выкуп», — старший пастух мельком покосился на сестру, которая, воспользовавшись моментом, ласково погладила раненого по щеке, и вновь переключился на более опасного противника.

Жива — и ладно.

«Мой друг даст больше», — заявил горец. — «Он богат».

«Ага, так мы тебе и поверили!» — фыркнул младший, пе-

редав собак брату — чтобы сподручнее было сестру доставать. — «Он наверняка такой же неудачник, как ты. Других друзей у тебя быть не может».

«Ошибаетесь», — сухо парировал горец, отстранённо наблюдая, как корячится пастух, силясь аккуратно оторвать горько ревушую девушку от гостя.

А вдруг действительно обеспеченным окажется? Обидно будет навредить ему, тем самым упустив такой уникальный шанс... Неудивительно, что в глубине глаз горца светилось удовлетворение. И его спокойствие было отнюдь не напускным.

«У меня много успешных, умных и образованных друзей», — продолжал обрабатывать пастухов горец. — «А конкретно этот человек — единственный наследник фирмы своего отца в столице. Что подтверждает новенький джип, на котором он сюда приехал. Его личный джип».

Повисла неловкая пауза, особенно ощутимая из-за младшего пастуха, застывшего в крайне неустойчивой позе, да ещё и смотрящего не на сестру, а на брата — через плечо.

«Это правда?» — первым нарушив тишину, старший пастух обратился к девушке.

Та мелко закивала, заливаясь слезами.

Братья снова переглянулись, разрываясь между жадностью и уже данным словом... Но тут наконец-то очнулся гость — и внимание присутствующих переключилось на него.

Застонав, он попытался приподняться, и у него бы вряд ли

что-то получилось, если бы девушка не пришла на помощь, услужливо удержав его от падения.

Ещё одного удара головой он мог и не пережить.

— Ты! — дождавшись, пока гость поймает шаткое равновесие, с характерным акцентом сказал старший пастух. — Сколько за неё дашь?

Гость кое-как сфокусировался на собеседнике, увидел направленное на него ружьё, даже два, заметил напротив себя оскаленные пасти рвущихся с поводков собак, перевёл взгляд на напряжённого друга, затем на зарёванную девушку рядом — и кое-как выдавил:

— Сколько полагается, столько и дам. Я в ваших традициях не разбираюсь.

— Оно и видно! — вставил младший.

Но брат коротко на него цыкнул — и заявил:

— Так не пойдёт. Чужаку мы сестру как своему не отдадим. Ты заплатишь втрое больше.

Гость скосил глаза на друга, и горец едва заметно кивнул, призывая соглашаться.

— Хорошо.

— Вчетверо! И живыми деньгами! — снова встрял второй пастух. — Нам ещё прошлый выкуп возвращать. С доплатой. Неизвестно, сколько Кахраман потребует сверху.

В этот раз старший возражать не стал — и гость устало вздохнул:

— Баранов и коз не держу, наличные с собой не вожу, дра-

гоценностей не имею. Банковский перевод устроит?

Младший брат недоумённо покосился на более подкованного — как в русском языке, так и в финансовых вопросах — старшего.

— Да, — кивнул тот. — Вставай и пошли. Нужно успеть в мечеть до ночи, пока имам не ушёл.

Гость с трудом, при поддержке девушки, поднялся на ноги. И горец, до этого времени терпеливо стоящий в стороне — чтобы ему не приписали ничего лишнего в отношении девушки — тотчас подставил другу плечо, позволив навалиться на себя всем весом. Однако эти предосторожности горца не спасли:

«Только, чур, с прежним женихом сам договариваться будешь!» — шепнул ему старший пастух, выдвигаясь вперёд. — «Твоя идея, тебе и ответственность нести».

Горец ничего не ответил. Младший же ехидно осклабился, забрал собак и пристроился позади, привычно следя за порядком в этой маленькой человекообразной отаре.

— Что происходит? — улучив момент, негромко спросил у друга гость. — Зачем нам имам?

— Зарегистрировать ваш брак, — так же тихо откликнулся горец, покосившись назад.

Но пастух ничего не услышал.

— Какой ещё брак?.. С кем?

— С ней, — горец кивнул на молча шагающую рядом девушку, заботливо обнимающую гостя за талию.

Потому что сам гость, разумеется, всерьёз опираться на неё не рисковал.

— С ума сошёл?! Меня, вообще-то, невеста дома ждёт. Она меня убьёт.

— Эти ребята убьют тебя вернее. И тогда тебя уже никто никогда не дождётся...

— Судя по моему состоянию, у них это почти получилось, — гость болезненно скривился, в сотый раз коснувшись трещащей по швам головы.

— Да. И другого выхода из сложившейся ситуации я не нашёл. Извини.

— Нет. Это ты меня прости. Ты спас меня, а я ещё возмущаюсь... Всё повторяется.

— Только тенденция мне не нравится. Если бы они прицелились получше, тебе бы пришёл конец.

— Полагаю, если бы ты вовремя не вмешался, они бы сделали контрольный выстрел.

— И всё же будь осторожнее. Боюсь, третьей попытки избежать смерти от пули судьба тебе не подарит.

— Потому что по возвращении домой меня ждёт смерть от рук брошенной невесты? — горько хмыкнул гость.

Из-за чего потерял концентрацию, споткнулся и громко застонал, страдальчески прикрыв глаза: встряска не пошла ему на пользу.

— Не переживай, — переждав приступ, сказал горец. — Мы что-нибудь придумаем.

— Нет. Ты придумаешь. Я сейчас даже идти не в состоянии.

— Это пройдёт. И вообще, возможно, ребята довольствуются никахом — религиозным браком. Тогда по светским законам ты будешь свободен — и твоя невеста ничего не узнает. Зато ты останешься жив и спасёшь бедную девушку от неприятной участи неравного брака.

— А развод?

— С ним проблем не возникнет. Скажешь «талак» — и свободен. Только не вздумай с этим шутить! Такие вещи не говорят без веской причины.

— Ни в коем случае! Я и слово-то это через пять минут забуду.

— Не волнуйся. Я напомню, когда придёт время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.